

- объяснение общественных явлений с помощью имеющихся в тексте или собственных аргументов, конкретных примеров;
 - наличие собственной позиции;
 - наличие элементов сравнения и сопоставления
 - наличие выводов по изученному тексту и аргументировать их;
 - выдвижение аргументов и контраргументов по отношению к иным взглядам;
 - наличие плана, тезисов;
 - использование справочного аппарата к анализируемому фрагменту;
 - преобразование текстовой информации в условно-графическую
- Это лишь некоторые варианты проверки качества исторического образования и достижений учащихся.

Соколова Е.С.

(Екатеринбург)

Была ли в России «надсловная монархия»? : к вопросу об апробации междисциплинарного синтеза в средней общеобразовательной школе

Методологическая дискуссия 1990-х гг. об эпистемологических границах исторического знания, спровоцированная интеллектуальной атмосферой эпохи постмодернизма, заставила многих всерьез задуматься о степени научной обоснованности традиционного притязания историка на воссоздание достоверной картины прошлого. Можно не соглашаться с наиболее крайними выводами «рассуждений о методе», но остается очевидным тот факт, что явное предпочтение музы Клио неторопливого созерцания «осколков» прошедших времен менее всего связано с капризами моды и тягой иррационального XX столетия к замене объективной реальности «театром абсурда». Современное научное сообщество на разных уровнях широко обсуждает вопрос, который историки задавали себе во все времена: для чего нужна историческая наука и каковы научные пределы метарассказа, сконструированного на основе эмпирических данных источника?

Обаяние методологии позитивизма, которая внушала исследователю безграничную веру в познавательные возможности исторической реконструкции, неотвратимо уходит в прошлое. Это происходит под влиянием новейших концептуальных «поворотов» в сфере наук гуманитарного цикла с их акцентом на проблемы исторической, социальной и культурной антропологии. Вряд ли сегодня найдется специалист, всерьез полагающий, что «источник говорит сам за себя». Установки на описательность, свойственная

Леопольду фон Ранке и сторонникам выдвинутого им принципа «строгого» историзма, необратимо уступила место интеллектуальным инновациям, в которых сегодняшний исследователь видит способ найти нечто общее в таких противоположных категориях как детермированность, случайность и духовная свобода личности.

В отечественной методологии последних лет активно обсуждается проблема интеграции российской исторической науки в мировую историографию. На фоне непрерывно идущей дискуссии о степени соотношения между непреодолимой субъективностью источника и тягой человеческого разума к глобализации исторического мышления особую значимость приобретает проблема использования междисциплинарных подходов в конструировании креативной модели научного дискурса. Тяга историка к «умопостигаемой» интерпретации фактов наряду с признанием относительной условности любого нарратива как способа саморефлексии, неизбежно накладывает отпечаток на содержание курсов отечественной истории, предназначенных для преподавания в средней школе как по линейной системе, так и по концентрическим программам.

Сложность адаптации научных проблем дискуссионного характера к учебным целям хорошо известна. За последнее десятилетие авторы школьных учебников по истории России успешно научились обходить это затруднение, анализируя фактологический материал в рамках «прокрустова ложа» тех научных концепций, создателями или сторонниками которых выступали они сами. Удачным примером такого подхода к синтезу академической науки с дидактическими задачами является учебник «История России» для 10 – 11 классов в двух частях под редакцией Н.И.Павленко, хорошо известный учителям, работающим по углубленным программам гуманитарного цикла в специализированных гимназиях и лицеях. Несомненным достоинством этого издания является воссоздание целостной картины российской государственности в контексте модернизированных процессов с учетом персоналистических тенденций новейшего исторического дискурса. Стремление к единству методологических принципов является отличительной чертой учебного минимума для абитуриентов под редакцией В.В.Керова, где разделы, посвященные вопросам социальной стратификации дооктябрьской России, выдержаны в духе теории «надсословной монархии» с учетом традиций государственно-юридической школы. Тем не менее, существуют серьезные основания для беспокойства дальнейшими перспективами преподавания истории в средней школе на фоне усложнения общеобразовательной парадигмы, которое хорошо прослеживается по федеральным стандартам требований к уровню подготовки выпускников.

Тенденция современной исторической науки к конструктивному диалогу, основанному на синтезе различных направлений в исследовании прошлого шагнула со страниц научных изданий в различные варианты учеб-

ных программ, демонстрируя готовность их авторов к апробации междисциплинарного подхода на основе материалов отечественной и зарубежной истории. Эффективность этого начинания зависит, прежде всего, от объективного фактора: при отсутствии учебно-методического комплекса, содержание которого должно соответствовать планируемому результату, даже самый одаренный и эрудированный учитель будет поставлен лицом к лицу перед опасностью начетничества. Подобная проблема уже возникала в 1990-е гг. на почве внедрения в учебный процесс многовариативного подхода к оценкам прошлого. К сожалению, конструктивная помощь учителям на федеральном уровне так и не была оказана: большинство оказалось перед перспективой повышения своего профессионального уровня на основе самостоятельного приобщения к «секретам» историографии на крайне поверхностном и фрагментарном уровне без возможности воссоздания ретроспективной картины развития исторической науки. «Кризис метода» и порожденное им стремление уйти от ряда теоретических стереотипов в осмыслении научных проблем может привести к серьезным затруднениям как в преподавании истории, так и в формировании предметно-информационного уровня подготовки учащихся. Главная сложность процесса осмысления сущности методологического синтеза связана с идущим в современной науке постепенным переосмыслением традиционной терминологии. Эта тенденция особенно заметна в исследованиях, посвященных выявлению исторической специфики российского общества и государства нового времени. Уточнение дефиниций носит вполне обоснованный характер, так как речь идет об освобождении от тех устоявшихся клише, которые косвенно противодействуют концептуальному осмыслению исторического источника с учетом его происхождения из принципиально Другой эпохи.

Серьезная разногласия мнений возникает при оценке реального соответствия теоретического представления об абсолютизме как модели неограниченной власти монарха ее практическому воплощению. Если учесть тот факт, что для большинства абсолютистских режимов характерно формальное признание верховной властью принципа законности, то становится очевидной высокая степень условности логической конструкции, положенной в основу общего понятия. В работах последних лет, посвященных специфике политической системы Российской империи, нередко делается терминологическое предпочтение в пользу концепции самодержавия с акцентом на более высокую степень ее адекватности реальному соотношению сил между монархом и подданными. Высокий авторитет исследований, посвященных антропологическим аспектам истории, чувствуется сегодня даже в тех трудах, которые предпринимаются в рамках традиционной проблематики отечественной историографии. Так, в одной из последних книг А.Б.Каменского, посвященной «опыту целостного анализа» российских реформ XVIII столетия, методологические размышления автора о правомерно-

сти употребления термина «абсолютизм» завершаются утверждением о необходимости искать более точные определения для тех случаев, когда речь идет о «изучении Человека разных исторических эпох» (1). Автор не отрицает полезности данной конструкции для экономической и социально-политической истории, но предпочитает избегать ее даже при оценке итогов реформаторства Петра I и его преемников в сфере модернизации государственно-правовых институтов.

Те же сложности связаны с верификацией понятия «сословие» в контексте поиска оправданности его традиционного смысла применительно к социальной структуре Московской Руси и императорской России. Со страниц серьезных академических изданий и учебных пособий для поступающих в вузы постепенно исчезает утверждение о наличии наследственных сословий с юридически закрепленным правовым статусом в Киевской Руси и едином Русском государстве конца XV - середины XVII вв. В ряде работ подчеркивается и незавершенность сословных норм «Соборного Уложения» 1649 г., в которых предусматривалась цель консолидации правящего класса за счет расширения объема прав служилых людей «по отечеству» на поместьи-вотчинные земли. Возобновляя традиции государственной школы, некоторые исследователи ведут речь о формировании общегосударственной системы крепостного права на основе закрепления правового статуса отдельных категорий населения Московской Руси с преобладанием тяглых обязанностей над сословными преимуществами. В то же время в новейших работах указывается, что средневековая Россия отличалась своеобразной социальной «прозрачностью», что приводило к неустойчивости правового статуса всех категорий населения и провоцировало отсутствие сословных корпораций наследственного характера. В новейшей историографии широкое признание получил тезис о надсословной монархии абсолютистского типа, возникший под влиянием дискуссии о степени феодализации на рубеже средневековья и нового времени, возрожденной за последние годы уже в немарксистских категориях. Довольно многочисленной является и другая группа исследователей, которая продолжает работать в русле концепции государственного феодализма и признает факт деления русского общества на феодальные сословия уже в эпоху Киевской Руси. Завершение этого процесса сторонники данной интерпретации относят к екатерининским сословным реформам 1780-х гг. Так, например, О.А.Омельченко утверждает, что «установление правового статуса... [непривилегированных – Е.С.] сословий было подчинено... задаче охранения государственного положения дворянства» (2). При этом многие исследователи пытаются определить смысл термина «сословие» на основе достижения максимального синтеза социокультурного и формально-юридического подхода, нередко забывая об отсутствии соответствующего понятия в сословном законодательстве императорской России.

Приведенные примеры не исчерпывают сложности и неоднозначности новых методологических конструкций, возникших в рамках использования междисциплинарных связей. Диапазон дискуссионных проблем несомненно будет расширяться уже хотя бы потому, что, в отличие от западных коллег, наши исследователи почти целое столетие не имели возможности переосмысления категориального аппарата, ограниченного рамками марксистской парадигмы. Учитывая это обстоятельство, академическая наука не должна пренебрегать нравственными обязательствами перед подрастающим поколением, растерянно взирающим на интеллектуальные «взрывы» постмодернизма в форме растущих объемов информации. Как театр начинается с гардероба, так и помощь школе предполагает, прежде всего, профессиональный диалог с учителем, в распоряжение которого должна поступить методологическая литература, написанная с учетом трудностей, возникающих при адаптации научных проблем к школьному курсу истории. В противном случае, через несколько лет нам придется низко склонить голову перед воинствующим невежеством – самым тяжелым последствием непродуманной концепции гуманитарного образования.

1. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 2001. С.29.
2. Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993. С.238.

Филимончик С. Н.
(Петрозаводск)

Из опыта работы над учебным пособием по истории Петрозаводска

Среди наиболее представительных и динамично развивающихся направлений в региональной историографии в последние годы оказалась история локальных сообществ: семьи, деревни, трудового коллектива или небольшого городка. Изучая их в тесной связи с динамикой социальной среды, историки стремятся приблизиться к пониманию законов развития общества, а также выявить неповторимое своеобразие каждой эпохи, непреходящую ценность индивидуального жизненного опыта.

В последние десятилетия в Карелии накоплен немалый опыт в городском доведении. В 1990-е годы впервые опубликованы тематические сборники документов по городской истории (1). Они получили признание специалистов. Так, в 2004 г. в конкурсе научных работ в области архивоведения, документоведения и археографии коллегия Федеральной архивной службы России отметила трехтомное издание документов по истории Петрозаводска